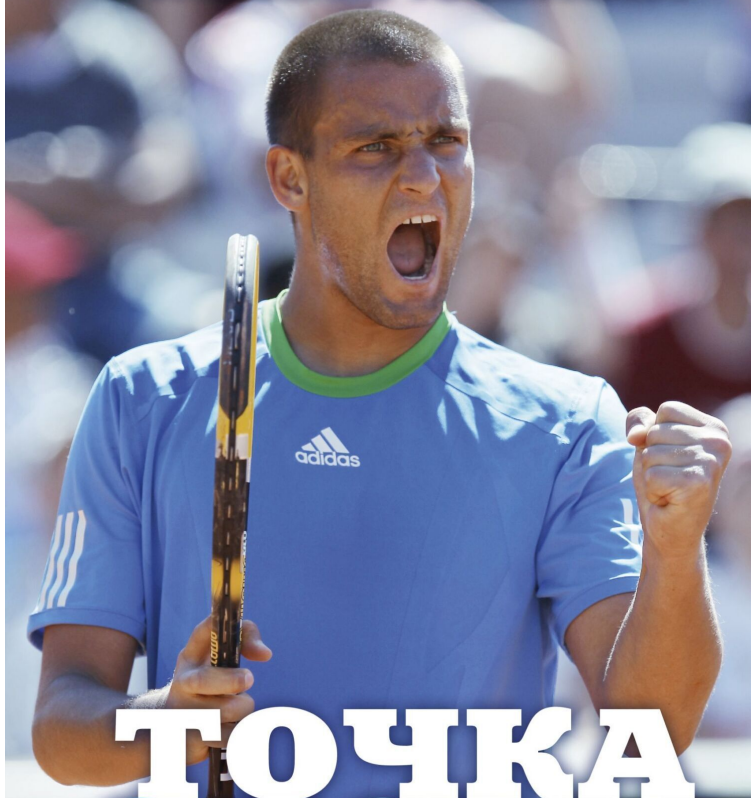

МИХАИЛ ЮЖНЫЙ

ТОЧКА ОПОРЫ

**ЧЕСТНАЯ КНИГА О ТЕННИСЕ
КАК ИГРЕ И ПРОФЕССИИ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Михаил Михайлович Южный
Точка опоры. Честная книга о
теннисе как игре и профессии
Серия «Иконы спорта»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66694842

*Точка опоры. Честная книга о теннисе как игре и профессии:
ISBN 978-5-04-161433-1*

Аннотация

Один из лучших российских теннисистов Михаил Южный – спортсмен с не самой простой судьбой и особенной биографией. Обладатель 10 титулов Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТР) в одиночном разряде вспоминает свои яркие взлеты и откровенно анализирует обидные ошибки, дает характеристики знаменитым соперникам, рассказывает об интересных людях, которые помогли ему на протяжении карьеры.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	6
Пролог	10
Часть I	16
1	16
2	33
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Михайлович Южный Точка опоры. Честная книга о теннисе как игре и профессии

© Южный М.М., текст, 2021

© Фото на обложке: © Алексей Куденко / РИА Новости

© В оформлении обложки использована иллюстрация:
grum / Shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Один из лучших российских теннисистов Михаил Южный – спортсмен с не самой простой судьбой и особенной биографией. В 2002 году в Париже, будучи в сборной России запасным, он стал первым участником за всю историю Кубка Дэвиса, который вырвал победу в решающей встрече финального матча после того, как проиграл первые две партии. Обладатель десяти титулов Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТР) в одиночном разряде вспоминает свои яркие взлеты и откровенно анализирует обидные ошибки, дает характеристики знаменитым соперникам, рассказывает об интересных людях, которые помогли ему на протяжении карьеры. Литературную запись автобиографии Михаила

Южного подготовил корреспондент ИД «Коммерсантъ» Евгений Федяков, который был свидетелем главных эпизодов карьеры теннисиста.

Вместо предисловия

Открыв эту книгу, вы не ошиблись даже в том случае, если имеете о теннисе лишь поверхностное представление. Ведь теннис учит нас воспринимать жизнь такой, какая она есть, – с красивыми победами и тяжелыми поражениями, наслаждением от успеха и тяжкими испытаниями. Поэтому книга, которую вы держите в руках, не только и не столько про теннис, сколько про жизнь во всей ее красе. И я уверен, что вы не пожалеете о потраченном времени.

Теннису не так уж сложно научиться в любом возрасте – было бы желание. Я знаю массу людей, которые влюбились в него благодаря телевизионным трансляциям. Среди болельщиков таких наверняка абсолютное большинство. Но осязаемо игра начинается в тот момент, когда вы берете в руки ракетку и делаете первый удар по мячу. Мой старый знакомый американец Лэрри Стефанки, тренировавший в свое время Джона Макинроя и Евгения Кафельникова, Марсело Риоса и Тима Хенмэна, однажды на тренировке в Лондоне рассказал, как мгновенно заинтересовал теннисом своего младшего сына. Он просто предложил мальчугану взять ракетку так, как ему удобно, и лишь спустя некоторое время скорректировал его хватку.

Такой подход идеально вписывается в мое понимание методики индивидуальной работы. Двух абсолютно похожих

людей не существует. К тому же в теннисе, личном виде спорта, в котором на сложную технику накладывается психологическая подоплека, огромное значение имеет любой нюанс. А еще тренер обязан досконально изучить своего ученика. Иначе трудно найти ту точку, вокруг которой можно заложить фундамент будущих взаимоотношений, а главное – самой игры.

В случае с десятилетним Мишей Южным этой точкой опоры был его характер – взрывной, нетерпеливый, по-хорошему агрессивный. Я быстро понял, что на корте стихией такого мальчика может быть только атака. В детском теннисе практически всегда выигрывает тот, кто лучше набит на задней линии. Но мы все равно много занимались именно атакующими действиями, в ущерб сиюминутному результату старались избегать монотонных упражнений на удержание мяча, – и не прогадали. На счету Южного – десять титулов в одиночке и девять – в паре, два полуфинала US Open, четвертьфиналы всех четырех турниров Большого шлема. Он поднимался в мировом рейтинге на восьмое место, четырнадцать лет подряд стоял в первой сотне, установив своеобразный российский рекорд, и дважды выигрывал в составе сборной Кубок Дэвиса. В России, безусловно, есть и более знаменитые теннисисты. Но в начале нашего совместного пути мы и представить себе не могли такого списка достижений.

Хороший мастер в любой профессии обязан двигаться вперед, иначе он быстро теряет квалификацию. Вот и тен-

нисный тренер должен не только передавать спортсмену свои знания, но и самосовершенствоваться. И дело тут не только в правильном распределении нагрузок, грамотном подборе тактических вариантов и работе над техникой, хотя техника время от времени ломается даже у игроков самого высокого уровня и поэтому время от времени нуждается в чистке. Важно помнить, что микрокоманде, состоящей из теннисного тренера и ученика, постоянно приходится решать целый комплекс психологических вопросов. Этому мы учились вместе, а иногда – друг у друга. И должен признаться, что Михаил Южный, мой Мишаня, по-своему оказался замечательным учителем.

Возможно, самой серьезной проверкой на прочность наших отношений оказался первый совместный заграничный выезд на турнир во французский город Анси, где мой 12-летний подопечный занял 30-е место среди 32 человек. Кто бы тогда на моем месте не задумался, имеет ли смысл продолжать работать вместе? Но я все же решил попробовать и вскоре убедился, что не прогадал.

За 25 лет мы прошли большой путь. Вместе побеждали и проигрывали, допускали обидные ошибки и исправляли их, а когда добивались промежуточной цели, испытывали моральное удовлетворение от того, что многие часы работы на корте не прошли в пустую. Но это был эволюционный процесс, без резких движений. Я начинал работать с третьеклассником, который слушал меня, открыв рот, и беспреко-

словно делал то, что от него требуют. А спустя четверть века имел дело со взрослым мужчиной, обладавшим громадным личным жизненным опытом, отцом большого семейства с не самым простым характером. Задолго до окончания карьеры я говорил ему: «Хочу, чтобы ты был не солдатом, а генералом». И сегодня я точно знаю, что мое желание исполнилось. А как это было, вы узнаете из книги.

...Обычно я быстро забываю свои сны, но один из них почему-то отложился в памяти. Примерно год спустя после того, как Миша отыграл в Санкт-Петербурге свой последний турнир, мне вдруг приснилась наша тренировка перед очередным матчем. У нас что-то не получалось, Миша злился, не стесняясь в выражениях, я отвечал, но потом, как это часто случалось, все встало на свои места.

И тогда я проснулся. Почти в слезах.

Так как понял, что этого больше уже не случится.

Борис Собкин,

заслуженный тренер России,

личный тренер Михаила Южного с 23 мая 1993 года по 20 сентября 2018 года

Пролог

20 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург

Телефон прокукарекал девять часов. В молодости я возил с собой на юношеские турниры маленький портативный магнитофон с функцией будильника, а сейчас устанавливаю на айфоне обычную мелодию. Правда, на этой неделе она звучит вхолостую. В сентябре блистательный Санкт-Петербург еще не до конца расплескал энергию лета, которая позволяет городу не спать сутками, и по утрам ты чувствуешь себя бодрячком. Вот несколько лет назад, когда питерский турнир проходил в октябре, проснуться здесь самостоятельно было почти нереально, особенно после вечерних матчей. В хмурую промозглую погоду перед завтраком приходилось насильно отрывать себя от кровати.

Сегодня – не самый обычный день. Возможно, последний день в моей карьере профессионального теннисиста. В подобных случаях вроде бы положено волноваться, но моя голова свободна от переживаний. Я хорошо знаю, как надо играть с испанцем Роберто Баутистой Агутом – очень тяжелым и тягучим по стилю игры соперником, которого многие считают одним из самых недооцененных теннисистов мира. В то же время я твердо убежден, что в случае поражения никакой трагедии не произойдет. О завершении моей карьеры

в Питере было объявлено два месяца назад, и я давно не сомневаюсь, что принял верное и, главное, своевременное решение. О чем тут еще рассуждать?

St. Petersburg Open – турнир сравнительно небольшой, но здесь всегда умели принимать игроков. Мы с моей женой Юлей и младшим сыном Игорем живем в пятизвездочной гостинице Four Seasons Hotel Lion Palace. Это бывшая дворянская резиденция, построенная в стиле высокий классицизм знаменитым архитектором Огюстом Монферраном – творцом Александровской колонны и Исаакиевского собора, который находится неподалеку. Трехэтажному зданию, выкрашенному в желтый цвет, ровно два века. Внутри – идеально отреставрированные лестница и вестибюль, снаружи – восемь белых колонн по центру фасада, еще по три – с левой и правой стороны. Совсем рядом – Адмиралтейство и Медный всадник. Это место дышит историей. Немногие теннисные турниры готовы предоставить гостям такие изумительные условия.

У нас великолепный двухкомнатный номер. На всю восточную сторону отеля – только один балкон, и он – наш. Наверное, летом по утрам там можно приятно проводить время, но сейчас довольно прохладно, да и просто не до того. Игорь уже на ногах, смотрит свои мультики. Со второго дня пребывания в Питере он задает по утрам один и тот же вопрос – когда поедем на корты? Ведь там его ждут любимые аниматоры.

Мой шестилетний сын, который уже успел повидать немало отличных гостиниц, привык к комфорту. Его не удивишь даже самым изысканным интерьером. А я вспоминаю, как в детстве во время очередного турнира в Сочи мы с Маратом Сафиним случайно оказались в холле роскошного по тем временам для России отеля «Рэдиссон Лазурная». Его убранство произвело на меня такое сильное впечатление, что я от потрясения даже разинул рот. Папа Марата тогда пообещал, что, если мы будем хорошо играть, такие гостиницы станут для нас нормой. Кажется, что это было совсем недавно, хотя на самом деле – больше двадцати лет назад.

О ЗАВЕРШЕНИИ МОЕЙ КАРЬЕРЫ В ПИТЕРЕ
БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО ДВА МЕСЯЦА НАЗАД, И Я
ДАВНО НЕ СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО ПРИНЯЛ ВЕРНОЕ
И, ГЛАВНОЕ, СВОЕВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ.

День начинается с завтрака. Кухня здесь на уровне. В ресторане, расположенном под стеклянной крышей, предлагают утренние смузи из различных ингредиентов, причем обязательно с сельдереем. Но сегодня я заказываю свежесжатый лимонный сок, прекрасный источник витамина С, яйца «Бенедикт» со слабосоленой красной рыбой и блины с красной икрой. Немного красивой жизни на финише карьеры. Почему бы и нет? За соседним столиком уже допивает чай Борис Львович Собкин – человек, который тренирует меня 25 лет. За это время мы вместе выиграли множество важных матчей и потерпели немало обидных поражений, иногда ссо-

рились, но потом обязательно мирились. Потому что я давно понял, что лучшего тренера мне не найти.

Мы тоже не засиживаемся, и под конец семейной трапезы Игорь просит немного попинать в номере детский футбольный мяч. Комнатный футбол – наше традиционное занятие. Много лет назад мы с моим старшим братом Андреем на радость соседям с нижнего этажа проводили в коридоре суперсерии по хоккею с мячом, используя вместо клюшек деревянные теннисные ракетки. А еще говорят, что сыновья не во всем повторяют своих родителей!

Вставая на ворота, которые изображает дверной проем, я позволяю себе немного поразмышлять про себя над тем, хорошо ли профессиональному теннисисту приезжать на турниры вместе с маленькими детьми. У меня в подобных случаях наступало какое-то внутреннее умиротворение, поэтому я всегда считал, что малышам лучше сидеть дома. Конечно, когда ребенок рядом, ты испытываешь настоящее счастье. Но в то же время у тебя неизбежно рассеивается внимание, которое необходимо акцентировать на профессиональных вопросах. В конце концов, самые элементарные вещи никто не отменял. Ты же не можешь объяснить двухлетнему пацану, который прилетел из Москвы в Калифорнию и не успел перестроиться к смене часовых поясов, что в три ночи прыгать с кровати рано, а днем у тебя ответственный матч. Либо ты, подобно Роджеру Федереру, должен нанимать несколько няnek, но это немного другой уровень организа-

ции процесса, который по карману не всем.

К счастью, меня эта тема уже почти не касается. Серия пенальти остается за Игорем, и в одиннадцать утра у меня по плану разминка в тренажерном зале с моим физиотерапевтом. Таиландец Йотсапхол Проммон, которого мы по-дружески называем Эдди, – мастер своего дела и замечательный человек, хороший товарищ, без которого моя карьера, скорее всего, закончилась бы немного раньше. Примерно полчаса я кручу велосипед, работаю на беговой дорожке, хорошенько растягиваюсь. Отличный способ держать себя в хорошем тонусе, не слишком напрягаясь. А потом принимаю душ, и мы с Юлей и Игорем идем гулять.

Прогулки по центру Питера вошли у меня в привычку еще с тех пор, когда турнир проводился в Спортивно-концертном комплексе около парка Победы, а официальной гостиницей был «Гранд-отель Европа», расположенный неподалеку от Русского музея. Если турнир проходит в зале и ты практически весь день вынужден находиться в помещении, продышаться 40 минут на свежем воздухе – великая вещь. Раньше я часто наматывал круги вокруг Дворцовой площади, по набережным Невы и канала Грибоедова, но с Игорем у нас другой маршрут. Сегодня мы собрались зайти в клубный магазин «Зенита», который находится на углу Невского проспекта и Мойки, и посмотреть что-нибудь из его любимого конструктора Lego.

С погодой повезло, но в отеле меня уже поджидают боль-

шой чехол с шестью ракетками и сумка с формой. После возвращения с прогулки пора на «Сибур Арену», и микроавтобус с логотипом St. Petersburg Open отвозит нас на Крестовский остров. План действий перед матчем, который начинается во второй половине дня, но не очень поздно, распisan годами. Первым делом – легкий перекус в players lounge – специальной зоне для отдыха игроков. Она везде разная, но здесь спроектирована очень толково. Слева – отличный ресторан, справа – помещение с диванами, телевизорами и компьютерами. После ланча Игорь отправляется к своим знакомым аниматорам, а я – на разминку с Борисом Львовичем и легкий массаж с Эдди. В моем возрасте он просто необходим.

Вот и вся моя нехитрая подготовка к матчу. До встречи с Баутистой Агутом остается совсем немного. Через несколько часов станет ясно, продлю ли я жизнь профессионального теннисиста еще на сутки, или счетчик моих побед на турнирах АТР навсегда остановится на числе 499. Оно, конечно, немного странное для окончания карьеры, отдает недосказанностью, но мне, по большому счету, уже неважно. Все, что можно по этому поводу, давно отболело. А цифры... Они останутся всего лишь цифрами.

Часть I

Диагональ во второй квадрат

1

Детство

Подарок папе от мамы. – Деревенские приключения. – Багира из Икши. – Хождение по карнизам. – Вареные яйца для соседей. – Мячи с балкона. – Армейское воспитание. – Победы из детского сада и школы. – Мои десять классов.

Я родился в пятницу, 25 июня 1982 года, и по меркам нашей семьи это событие стало настоящей сенсацией. Дело в том, что врачи ожидали его примерно на месяц позже. К тому же именно 25 июня, только 1947 года, родился мой папа.

Сын артиллериста и офицер войск химической защиты, папа прекрасно знал правило про тот снаряд, который не попадает дважды в одну воронку, поэтому свое 35-летие отмечал на работе со спокойной душой. Но жизнь внесла свои коррективы. Мама со мной в животе и моим двухлетним братом Андреем в коляске тогда жила на даче у папиных родителей в районе Икши, небольшого поселка неподалеку от Икшинского водохранилища и примерно в 50 км к северу от Москвы. И за пару дней до папиного дня рождения не очень

удачно приподняла то ли коляску Андрея, то ли его самого, то ли их вместе.

Последствия не заставили себя слишком уж долго ждать. О мобильной связи тогда даже не мечтали, и, приехав в Икшу перед выходными после дружеского застолья, папа, к своему удивлению, обнаружил, что в его семье вот-вот произойдет пополнение. Поскольку вопрос требовал оперативного решения, мои будущие родные срочно снарядили семейные «Жигули», посадили за руль дедушку, рядом – папу, который еще не до конца отошел от праздника, а на заднее сиденье – маму и срочно помчались в Сокольники, где в роддоме 33-й больницы¹ работала гинекологом папина сестра.

Потом мне рассказывали, что тетя Наташа сама рвалась принимать роды, но ее, как родственницу мамы, отправили заниматься другими делами. Это, однако, не помешало маме сделать папе самый запоминающийся подарок ко дню рождения. Примерно в 22.45 я успешно появился на свет.

* * *

Наша семья ничем не выделялась из общей массы московских семей того времени. Первые годы своей жизни я провел в пятиэтажке на Очаковском шоссе, в квартире с шестиметровой кухней и двумя смежными комнатами. Одну из них

¹ В настоящее время – больница им. Братьев Бахрушиных.

занимали мамины родители – бабушка Тоня и дедушка Леша, – другую, проходную – мы вчетвером, и еще с нами жил померанский шпиц Умка.

В моей памяти тот период сохранился плохо, лишь отдельными туманными вкраплениями, зато трехкомнатную квартиру в Раменках, куда мы переехали, когда мне исполнилось четыре года, я прекрасно помню. Это было уже вполне комфортное жилье. У папы с мамой появилась отдельная спальня, у нас с Андреем – своя комната, где мы спали на одном раскладывавшемся диване. А в гостиной стояли телевизор и проигрыватель «Аккорд», которым, кстати, пользоваться я толком так и не научился. На пластинках, попадавших в мои руки, почему-то регулярно появлялись царапины.

Тогда я, разумеется, совершенно не представлял, сколь интересными и одновременно непростыми были конец 1980-х и начало 1990-х годов. Старшие ограждали нас с Андреем от каких бы то ни было проблем, делали все от них зависящее для того, чтобы наше детство было счастливым. Не забывая о дисциплине, мама, папа, бабушки и дедушки растили нас в большой любви. И по-настоящему понимать, чего им это стоило, я, кажется, начинаю лишь теперь, когда у меня самого трое детей.

Самым мягким по отношению к нам был дедушка Леша, который очень любил черный чай и считал, что настоящий москвич должен пить его только горячим. Он прощал внукам даже то, что прощать не стоило. Мне было семь или во-

семь лет, когда по моей вине дедушке поранил ногу соскочивший с пенька брусок для заточки косы. Другой на его месте устроил бы мальцу хорошую взбучку, но дедушка поступил наоборот. И я до сих пор помню собственные переживания, как на душе скребли кошки и как сильно хотелось поскорее искупить свою вину за собственную неосторожность.

К тому времени дедушка Леша и бабушка Тоня уже практически безвылазно жили в Мишеневе – деревне, которая находится в Старожиловском районе Рязанской области. Моя прабабушка с бабушкиной стороны нуждалась в постоянном уходе, и им пришлось переехать туда. Мы с Андреем гостили в Мишеневе всего несколько раз примерно по одной неделе. Зато те дни были насыщены яркими событиями. Например, однажды нам со старшим приятелем пришло в голову покататься на грузовике. Идея оказалась весьма плодотворной. Нас искали всей деревней, нашли где-то на расстоянии пяти километров, и я впервые в жизни возвращался домой на соседском мотоцикле с коляской, чему был несказанно рад.

Моя эпизодическая деревенская жизнь – это тарзанка, которая рвалась не один раз, построенный своими руками шалаш и случайно найденный патрон, по детскому недоумию брошенный в костер. Это посиделки с дедушкой за самой простой карточной игрой – в пьяницу и приезжавшая раз в неделю по четвергам автолавка с леденцами – петушками на палочках. На всю жизнь запомнился вкус жареной картошки

в бабушкином исполнении и черного хлеба с подсолнечным маслом. А вот от парного молока я особого удовольствия никогда не испытывал. Это был явно не мой деликатес.

К сожалению, сейчас от того Мишенева практически ничего не осталось. Зимуют в деревне один или два человека. Правда, дом наш неплохо сохранился, и мама живет там с апреля по октябрь, заготавливая на зиму банки с соленьями. Летом 2018 года мы с моей женой Юлей впервые привезли туда сыновей. Сначала думали, что ребята с непривычки заскучают, ведь в рязанской глухомани до сих пор нет стабильной мобильной связи с интернетом, но им, наоборот, очень понравилось. И мы вместо суток задержались там на три дня.

Дедушка Леша во время войны был еще подростком и рано встал к слесарному станку, а вот папины родители – фронтовики. Дедушка Зиновий служил в артиллерии, а бабушка Лена пошла на фронт медсестрой. В их квартире, неподалеку от метро «Смоленская», мы, как правило, отмечали семейные праздники вместе с двоюродным братом Леней, который на год старше меня, и другими родными с папиной стороны. По рассказам старших, в детстве бабушка очень хорошо училась, из первого класса перешла сразу в четвертый и позже отлично выучила английский язык, что по тем временам считалось редкостью. Правда, для нас гораздо важнее было ее кулинарное мастерство. Особенно ей удавались грибной суп и мои любимые оладьи.

В ДЕТСТВЕ И В ЮНОСТИ ТЫ

ЧАСТО НЕДООЦЕНИВАЕШЬ МОМЕНТЫ, НА КОТОРЫЕ, ВЗРОСЛЕЯ, НЕОЖИДАННО ДЛЯ СЕБЯ ОБРАЩАЕШЬ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНОЕ ВНИМАНИЕ.

Бабушка Лена просто обожала собак. В разное время на даче под Икшей у нас жили сразу три дворняги. Самую старшую звали Кузьмой. Он любил лежать под столом во время обеда, но был ужасным недотрогой и после случайного прикосновения ногой мог больно тяпнуть. Затем появился еще один пес, которого бабушка по доброте душевной подобрала в троллейбусе. Они с Кузьмой никак не могли ужиться, и приходилось разводить их по разным комнатам. А потом мы с Андреем сами нашли маленького щенка – на радость бабушке, сразу же накормившей его сметаной. Постепенно та кроха превратилась в очень красивую черную собаку по кличке Багира. Жила она у нас более десяти лет.

Поскольку Икша расположена гораздо ближе к Москве, чем Мишенево, летом мы приезжали туда чаще. Недалеко от нашей дачи был пруд, которого я в детстве побаивался. Мне было абсолютно непонятно, каким образом я окажусь на поверхности воды, если прыгну в нее с маленького моста. На море же мы ездили очень редко, а вчетвером всей семьей были на отдыхе вообще всего один раз – в Одессе в 1988 году.

* * *

Вам наверняка доводилось встречать людей, которые даже

в зрелые годы гордятся своими мальчишескими подвигами и при каждом удобном случае не стесняются рассказывать о них окружающим. Зачастую такие воспоминания звучат довольно забавно, хотя кому-то они помогают восполнять потрепанные запасы мужественности и бесстрашия. Сам я, правда, к людям подобного склада себя не отношу, поскольку взрослым мои деяния в основном удовольствия не доставляли.

Например, в детстве меня тянуло гулять по оконным карнизам. Примерно в 8 лет был у меня такой странный период. Какую цель я при этом преследовал, толком объяснить не смогу. Возможно, подсознательно мною двигали бравада и желание острых ощущений, но сейчас, конечно, я понимаю, что это были тупость и глупость, – и больше ничего. Однажды в квартире на Смоленской бабушка, вовремя войдя в кухню, буквально вытащила меня из форточки, которая в той старой квартире на седьмом этаже была прорезана в нижней части окна.

Однако старшие оказывались рядом не всегда, и несколько раз я все-таки осуществлял свое странное желание, в том числе и дома на десятом этаже. Что при этом испытывал, сейчас особенно не помню, – только злюсь сам на себя. Подобные вещи, повторяю, можно делать только по скудоумию. Неудивительно, что однажды родители всыпали мне как следует, узнав от Андрея про мое опасное пацанское хобби.

Еще я играл с огнем, причем в самом прямом смысле сло-

ва. Как-то раз, пока мама готовила на кухне, поджег в комнате бумагу и едва не спалил ковер. Из других подвигов нашего с Андреем детства выделяется история с вареными яйцами, которыми мы однажды закидали соседский балкон девятого этажа. Вообще-то те яйца родители сварили нам на завтрак, но мы ради прикола решили использовать их по другому назначению. Пришлось идти извиняться, причем отдувался в основном Андрей. До сих пор помню, как папа, который стоял на лестничной площадке за соседской дверью, чтобы удостовериться в проявлениях нашего раскаяния, тогда сказал мне: «Что-то твоего голоса я не слышал!»

Соблазн хоть как-то осчастливить людей, которые занимаются внизу чем-то гораздо более полезным, мы с братом испытывали неоднократно. Причем он не всегда вызывал отрицательный эффект. Однажды мы засыпали весь двор скопившимися дома отыгранными теннисными мячами. Их было, наверное, с полсотни. Соседские мальчишки и девчонки, а также владельцы собак были в полном восторге. Для тенниса те мячи были плохо пригодны, зато их вполне можно было использовать, например, для игры в хоккей с мячом или дрессировки какого-нибудь пса.

На основании этих отрывочных воспоминаний вы можете сделать вывод, что я был довольно хулиганистым типом. Главной ареной противостояния с Андреем была ванная, где по утрам постоянно шли бои за раковину – кто быстрее умоется. Физически Андрей был сильнее – все-таки сказыва-

лись два года разницы, однако я старался не уступать. А по вечерам в большой комнате мы часто устраивали матчи по эксклюзивному виду спорта, представлявшему собой нечто среднее между футболом и хоккеем. Выигрывали по очереди, но вне зависимости от результата родители считали своей большой победой, если дело ограничивалось одной разбитой лампочкой. В таких случаях я после взбучки успокаивался и тихим голосом восклицал: «Андрюх, а все-таки хорошо мы поиграли!»

Не скажу, что старшие держали нас в ежовых рукавицах, но расплачиваться за свои проделки приходилось. Санкции по отношению к нам применялись не особо изощренные. Обычно нас просто разводили по разным комнатам, хотя в самых криминальных случаях могли и легко отшлепать. Но особенно обидно мне было, когда папа переставал со мной разговаривать. Его молчание могло продолжаться по несколько дней подряд, и, пожалуй, именно это я воспринимал как самое серьезное наказание.

Праздники в нашей дружной семье мы отмечали так, как это было принято в то время. Ни о каких ресторанах речи не шло. Чаще собирались на Смоленской или в Очаково, а в наш с папой день рождения – на даче. Слишком дорогих подарков нам никогда не делали. Помню, как на радость Андрею в день его рождения подарили игрушечную машину, но простую, а не радиоуправляемую. А для меня самым запоминающимся подарком навсегда остался тигренок Глебка

– мягкая игрушка, которую я однажды увидел в магазине в старой олимпийской деревне и немного позже получил на свое шестилетие. С тех пор Глебка несколько раз лишился усов, которые ему периодически пришивали, но в целом он по-прежнему чувствует себя неплохо и живет дома у мамы.

* * *

Если вы спросите, какие качества моего характера унаследованы от папы, а какие – от мамы, то я вряд ли сумею ответить на этот вопрос. Детально разобраться тут невозможно, поскольку родители были для меня единым целым и на воспитание сыновей в основном смотрели одинаково.

Мой папа был офицером. После школы в Москве он окончил Саратовское военно-химическое училище, Военную академию химической защиты² и Московский институт управления³. Два года после академии он служил в Ростове, неподалеку от Ярославля, после чего перевелся в Москву. Его воинская часть выпускала пособия для войск химической защиты, снаряжала и обкатывала машины химической разведки, передвижные радиохимические лаборатории. Приходилось ему бывать и в командировках на известном химическом полигоне в Шиханах, под Саратовом.

² В настоящее время – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты, в 2006 году переведена из Москвы в Кострому.

³ В настоящее время – Государственный институт управления.

Последние несколько лет в погонах папа провел в Управлении Министерства обороны, откуда уволился в 1991 году в звании полковника. Та служба пришлась ему не по душе. Папа часто говорил, что это не его место, слишком много кабинетной казенщины и подковерных интриг. Подозреваю, что нервное напряжение, которое папа испытывал на работе в управлении, в итоге сказались на его здоровье. Осенью 1990 года у него случился первый инфаркт, хотя прежде явных проблем со здоровьем не возникало.

В советские времена люди в погонах встречались на улицах гораздо чаще, чем сейчас, и были мальчишки, которые гордились военной формой своих отцов. Я же этому особого значения не придавал, зато хорошо помню, как зимой по дороге в детский сад папа в шинели и офицерской шапке вел меня за руку и объяснял, почему сейчас темно, но скоро день будет прибывать.

По характеру папа был человеком импульсивным, прямым и без увиливаний говорил в глаза то, что думает. Нравилось это, конечно, не всем, тем более что со стороны незнакомых людей папа абсолютно не терпел панибратства и обращения на «ты». Особенно это касалось тех собеседников, которые были заметно младше его по возрасту.

Другими выраженными чертами папиного характера были азарт и целеустремленность. Если он что-то решал про себя или тем более обещал другим, то выполнял обязательно. Говорят, что в молодости это выражалось подчас в са-

мых неожиданных вещах. Позже папины друзья рассказывали мне, что однажды во времена учебы в военном училище он на спор просидел несколько часов на шкафу, не сказав ни слова.

Назвать папу активным спортсменом нельзя, хотя он неплохо играл в волейбол, был вратарем в футбольной команде, когда учился в академии, и пытался стоять у стенки с теннисной ракеткой. Во всех видах спорта болел папа, естественно, за ЦСКА. Не скажу точно, когда я сам впервые оказался на футболе, но помню, что пошли мы на него вчетвером, и, поскольку высидеть весь матч я не смог, во втором тайме мама выгуливала меня вокруг стадиона «Динамо» по Петровскому парку.

Из моих детских футбольных впечатлений выделяется важный матч между ЦСКА и «Спартак» в октябре 1990 года, завершившийся в «Лужниках» со счетом 2:1. Это был последний тур чемпионата СССР, решающий мяч с пенальти Станиславу Черчесову забил Дмитрий Кузнецов, и армейцы, к нашей радости, впервые после двадцатилетнего перерыва попали в призеры, получив серебряные медали. А еще в памяти сохранились эмоции Андрея, впервые увидевшего исполнение футбольного пенальти. Он с такой настойчивостью уверял меня, что одиннадцать метров – на самом деле далеко и забить оттуда очень непросто, что я этому поверил. Не забывали мы и про клюшки с шайбой. Мой первый поход на хоккей состоялся той же осенью 1990 года, когда

армейцы выиграли у динамовцев со счетом 3:0.

Поскольку никакого Интернета в то время не существовало, практически всю спортивную информацию мы получали из газет. Дома на столе у нас постоянно лежал «Советский спорт», к которому затем добавился «Спорт-Экспресс».

Мама младше папы на девять лет, а по образованию – экономист-бухгалтер. Она окончила Заочный финансово-экономический институт⁴, который располагается в Филях. С папой она познакомилась, работая в воинской части, где он служил, а позже, когда мы росли, подрабатывала еще в двух местах. Конечно, по сравнению с папой ей была свойственна большая гибкость. Именно мама до поры до времени контролировала наши школьные успехи. На турниры же и отдельные матчи она поначалу ходила довольно редко, с трудом справляясь с переживаниями.

В детстве и в юности ты часто недооцениваешь моменты, на которые, взрослея, неожиданно для себя обращаешь более серьезное внимание. Есть много вещей, которые поначалу трудно анализировать, и с возрастом у меня появились вопросы, которые я, увы, уже никогда не смогу задать папе. Но одно я знаю наверняка. Будь у меня другие родители, моя судьба наверняка сложилась бы иначе. Поэтому я, как и Андрей, безмерно благодарен им за все, что они сделали для нас.

⁴ В настоящее время – Всероссийский заочный финансово-экономический институт.

Детский сад я не очень любил. Говорят, что перед расставанием с родителями по утрам я так крепко цеплялся за панину шинель, что оторвать меня было практически нереально. На компромисс шел, лишь получая в качестве «задатка» обещание, что кто-то из родителей обойдет детский сад и помашет мне в окошко с другой стороны. Они, разумеется, держали слово. Но при этом совершенно справедливо прозвали меня маленьким писклей.

Однажды, уже не помню точно почему, я взял и по собственной инициативе пришел из сада домой раньше времени. Сегодня, конечно, это выглядит фантастикой, но в то время некоторыми сорванцами типа меня подобные вещи иногда практиковались. Дома никого не было, и я, вполне по-взрослому, отправился в путешествие по подъезду. Поднялся то ли на 14-й этаж, то ли на 15-й, и оказался в одной из квартир, где меня узнали и оставили на пару часов до маминого прихода.

Похожий случай произошел в первом классе, когда я уже вовсю занимался теннисом. Но в тот раз моя самостоятельность имела под собой вполне конкретную причину. Она была вызвана тем, что Андрей должен был ехать на турнир, в котором мое участие еще не подразумевалось. Я бодро доложил ситуацию классной руководительнице, упустив пару

деталей, которые, с моей точки зрения, выглядели несущественными, и отправился домой. Андрей, разумеется, не пустил меня на порог, потребовав убраться обратно, но у меня были иные планы. Вернуться в школу я решил лишь после того, как просидел на лестнице около часа. Но, во-первых, уроки к тому времени уже закончились, а во-вторых, по дороге я встретил маму.

В отличие от Андрея, который некоторое время походил с пионерским галстуком, я успел побывать только октябренок. Но макулатуру сдавал неоднократно, благо старые газеты в нашей квартире оставались всегда. Книг, кстати, тоже было много и у бабушки с дедушкой на Смоленской, и у нас в Раменках. Однажды папа привел в гости сослуживца, который просто обалдел от количества книг. Кроме художественной литературы на польских книжных полках у нас стояли все тридцать томов Большой советской энциклопедии, а еще папа с мамой подписывались на различные собрания сочинений. Мы с Андреем читали меньше, чем родители, но сюжет своей любимой детской книжки – повести-романа «Кортик» Анатолия Рыбакова – я до сих пор помню хорошо.

По сравнению с подавляющим большинством сверстников наша школьная жизнь выглядела весьма специфической. Во втором классе у нас начались занятия во вторую смену, а днем нам с Андреем уже было положено тренироваться. Пришлось родителям подбирать другую школу, и она нашлась сравнительно неподалеку, около метро «Проспект

Вернадского». Именно там, в школе № 323 я и учился со второго по восьмой класс, причем, начиная с пятого класса, директор разрешила нам свободное посещение уроков.

К конкретным предметам я особого интереса не проявлял, хотя до определенного момента учиться мне было не очень сложно. Однако со временем я стал довольно часто ездить на турниры, да и тренировки отнимали немало времени, что сказывалось на успеваемости. Со стороны учителей накапливалось недопонимание, поэтому, когда в девятом классе я поменял место учебы во второй раз, наступило облегчение.

Мою третью школу № 41, которая находилась около метро «Аэропорт», нашла ровесница Андрея, тоже занимавшаяся теннисом на Ширяевке. Шутили, что это учебное заведение предназначено для двух категорий учащихся – спортсменов и умственно отсталых. Обучение там велось по свободному графику. На протяжении нескольких дней ты конспектировал то, что тебе наговаривали, потом штудировал это и возвращался примерно через три месяца с выполненными домашними заданиями. Качество образования, сами понимаете, оставляло желать лучшего, но для спортсменов это был отличный выход. Не случайно в той школе училось много ребят из ЦСКА.

Особых сложностей со сдачей экзаменов экстерном у меня не возникало. Лишь однажды в девятом классе мне пришлось пересдавать математику, после чего Борис Льво-

вич Собкин, который к тому времени уже тренировал нас несколько лет, пригрозил отчислить меня из тенниса. Выпускных вечеров у нас с Андреем не было, и момент окончания школы не стал для меня каким-то этапным событием. В общем, школу я вспоминаю весьма индифферентно, тем более что ни одного школьного друга у меня не осталось.

Ширяевка

Объявление в «Вечерке». – Первые тренеры. – Мой «Пионер». – Разминка на лестнице. – Тушенка и бутерброды. – Ракета на верхней полке. – Летний лагерь. – Люди Ширяевки. – Асфальтовый корт. – Время перемен.

Спорт вошел в мою жизнь настолько естественно, что я этого не заметил. Впрочем, толком я заметить ничего и не мог, поскольку теннисом Андрей пошел заниматься, когда ему было четыре года, а мне – лишь два.

По словам мамы, все началось в 1984 году с газетного объявления. В «Вечерней Москве» напечатали, что в теннисную секцию на «Дружбе» набирают детей, начиная с четырех лет. Папа, который тогда еще мало интересовался теннисом, поехал узнать, что к чему. Набор уже заканчивался, но в комплексной группе тенниса и фигурного катания оставались свободные места. Так решилась судьба Андрея, а вместе с ней и моя.

Пока старший брат обучался азам владения ракеткой и коньками, мы с мамой ходили к Москве-реке кормить уток. И быстро извлекли из этого пользу: именно во время одной из таких прогулок я впервые произнес долго не подававшийся мне звук «щ». Утки внезапно сорвались с места и полетели, а я высказал научную гипотезу, согласно кото-

рой их испугала щука. Вскоре финишировали мои занятия с логопедом.

Примерно через год после того, как Андрей приступил к занятиям, выяснилось, что у его тренера Светланы Владимировны Черкашиной оказалась пара свободных абонементов, и родители отправили меня догонять в мастерстве старшего брата. Правда, фигурное катание не приносило мне особого творческого удовлетворения. Все эти «пистолетики», «ласточки» и «кораблики», на которые обычно с придыханием смотрят бабушки юных фигуристов, вызывали у меня неукротимую тоску по дому. К тому же катались мы в ботинках белого цвета, на которые натягивали разрезанные мужские черные носки. А какому мальчишке понравится надевать девчачьи ботинки?!

Зато теннис я полюбил почти сразу. Ведь с помощью деревянной ракетки можно было добиваться серьезных успехов в домашних противостояниях с Андреем по хоккею с мячом! Мою первую детскую деревянную ракетку модели «Пионер» мы купили неподалеку от дома, в магазине «Спорт». Тогда так назывались практически все спортивные магазины в СССР. К своему «Пионеру» я относился с уважением, и когда случайно однажды уронил его в автобусе на грязную резиновую дорожку, жутко испугался. Надо сказать, что хороший спортивный инвентарь в то время был редкостью. Адидасовские кроссовки, конечно, на улицах встречались часто, но по-настоящему качественных товаров для тенниса

не хватало. Поэтому весьма кстати пришлось туристическая путевка в ГДР, куда родители ездили в 1986 году. Впервые побывав за границей, они привезли нам всякой теннисной всячины на несколько лет вперед.

Сами тренировки у Черкашиной я помню плохо. Это были обычные групповые занятия, во время которых нас обучали теннисным азам. Но, видимо, среди учеников Светланы Владимировны мы с Андреем чем-то выделялись. В противном случае, думаю, она не посоветовала бы родителям перевести нас в спартаковскую спортшколу «Ширяево поле», где 8 октября 1988 года в шесть лет я вместе с восьмилетним Андреем успешно прошел отбор.

Первый день занятий на Ширяевке четко сохранился в моей памяти. На одном из кортов проводили тренировочный матч Олег Борисов и будущий четвертьфиналист Кубка Кремля 1993 года Андрей Меринов – ученики Татьяны Федоровны Наумко. Я, конечно, не понимал, кто они такие, но смотрел на игру, затаив дыхание. Тот уровень казался мне недостижимым.

На Ширяевке мы попали в группу к Анатолию Михайловичу Абашкину. Оказавшись в ней самым младшим, я почему-то все время забывал, как зовут нашего нового тренера, и постоянно шепотом переспрашивал его имя и отчество у Андрея. В Сокольники мы ездили с удовольствием, хотя на нас никто особенно и не давил. Отдавая сыновей в спортивную секцию, наши родители преследовали лишь одну цель

– чтобы дети на занятиях заряжались хорошим настроением и росли здоровыми. Других мыслей не было, ведь фамилии первых советских теннисных профессионалов Андрея Чеснокова и Натальи Зверевой в газетах тогда еще встречались редко.

Поначалу наш тренировочный процесс строился без особых изысков. Никаких тебе двухразовых тренировок, никакого фанатизма насчет здорового питания. Еда была самая обычная – котлеты, сосиски, бутерброды. Однажды, уже в начале 1990-х, нам с Андреем в школе выдали по 12 банок американской тушенки. Мой ровесник, будущая первая ракетка мира американец Энди Роддик, в детстве наверняка питался иначе, но в Москве по тем временам это был неплохой улов, и кто-то из старших в шутку называл нас «добытчиками».

О грамотной методике физической подготовки, которой сейчас юные теннисисты занимаются с раннего детства, мы поначалу имели практически примерно такое же представление, как о составе семян, которыми засеивают корты Уимблдона. ОФП нам заменяла нехитрая утренняя разминка на лестничной площадке у входной двери. Мы с братом хватали скакалки и прыгали там минимум по десять минут. Со временем, правда, прыжки все чаще заменялись бегом. Когда у нас начали болеть пятки, выяснилось, что мы допрыгались до болезни Шинца⁵ и пришлось ходить в поликлинику

⁵ Заболевание, которое характеризуется нарушением адекватного кровоснаб-

на физиотерапию.

Особый сюжет Ширяевки тех лет – кроссы. Наши тренеры использовали их в качестве разминки или в сырую погоду, когда на кортах из-за дождя нельзя было играть. Но поскольку все три трассы наших кроссов – короткая, средняя и самая длинная получасовая – проходили через Сокольнический парк, мы часто добежали до ближайшего угла и отсиживались в лесу на полянке, а время узнавали у прохожих, которые часто оказывались родителями других ширяевских ребят. Тренеры, конечно, знали про наши проделки. Анатолий Михайлович по пульсу прекрасно мог оценить, кто выполнил задание до конца, а кто схалтурил. Но не скажу, что нарушителей сильно ругали.

* * *

У Анатолия Михайловича я занимался два года. Именно он поставил мне одноручный удар слева, технику которого потом называли нестандартной. Уже не помню, в какой именно момент я стал придерживать ракетку левой рукой чуть дольше, чем положено. Видимо, мне просто так было удобнее. Все получилось автоматически, и особого внимания на этом я никогда не акцентировал.

В тот период я начал участвовать в различных детских

жения отростка пяточной кости, что в результате приводит к болевому синдрому. Часто встречается у детей, активно занимающихся спортом.

турнирах, в том числе и выезжать в другие города. Одним из первых моих спортивных путешествий была поездка в Саратов в 1990 году, где в финале я уступил своему приятелю по группе Андрею Носову. А еще тому турниру сопутствовала особая обстановка.

Дело в том, что в то время в Саратовском военно-химическом училище учился Саша – наш с Андреем сводный брат по папиной линии, с которым у меня 12-летняя разница в возрасте. Его приезд к нам домой всегда воспринимался как праздник, а тут, выходит, я сам оказался у него практически в гостях. Будучи внимательным братом, Саша не упустил возможности заняться моим воспитанием. В саратовском трамвае мне было категорически запрещено садиться, даже в том случае, если рядом никто не стоял. Кроме того, Саша, приученный к армейскому порядку, следил за тем, чтобы и вокруг меня было минимум бардака. Вот только я не очень-то стремился брать с него пример. За день до моего отъезда Саша приготовил мне чистые вещи в дорогу, но я вспомнил о них лишь в тот момент, когда поезд уже приближался к Москве.

Запомнился и выезд с папой в Волгодонск на относительно слабый турнир, где за победу я получил чайный сервиз на двенадцать персон. Домой мы возвращались на пассажирском поезде, который останавливался на каждой станции, в одном купе с двумя военнослужащими из Абхазии. Папу они угостили ливерной колбасой, а мне подарили сигнальную ра-

кету с красным колпачком. Я, разумеется, залез на верхнюю полку и начал его откручивать, но старшие вовремя остановили. Иначе, наверное, спалил бы целый вагон.

СЕЙЧАС Я ПОНИМАЮ, ЧТО ШИРЯЕВКА ТЕХ ЛЕТ БЫЛА УНИКАЛЬНЫМ МЕСТОМ. МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ВСТРЕТИТЬСЯ ТАМ С ПОТРЕЯЮЩИМИ ЛЮДЬМИ, ПРИЧАСТНЫМИ КО МНОГИМ СЛАВНЫМ СТРАНИЦАМ РОССИЙСКОГО ТЕННИСА.

Трудно сказать, как сложилась бы моя судьба, если бы Анатолий Михайлович не ушел из тенниса, переключившись на другое занятие, а нашу группу в полном составе не перевели к Наталье Николаевне Бадер.

Сначала никаких особых изменений мы не почувствовали. Нам по-прежнему все нравилось. Шли по расписанию тренировки, продолжались выезды с небольшими приключениями. Однажды в Минске мы единственный раз оказались на турнире всей семьей. Папа с мамой 10 февраля отпраздновали годовщину своей свадьбы, а я в свойственной мне манере решил поэкспериментировать со спичками и едва не спалил деревянное сиденье от унитаза. Хорошо, что коридорная отнеслась к моему опыту с пониманием, решив не поднимать шума.

Во время учебного года наш режим полностью подстраивался под тренировочный график. Трижды в неделю, отсидев несколько уроков в школе, мы на метро, в папином «уа-

зике» или на машине дедушки Зиновия ехали к Наталье Николаевне на Ширяевку либо на «Связист», где проходили занятия в холодное время года. Обедали, как правило, в Сокольниках. Каждое утро мы получали с собой дневной паек, включавший в себя термос с чаем, по шесть бутербродов, штук десять сосисок на двоих и два яйца. Осилить такие объемы съестного, разумеется, было нереально, но рядом были помощники – старшие ребята, имевшие чемпионский аппетит. В конце концов мама узнала, что кроме нас подкармливает едва ли не половину Ширяевки. Но ругать нас не стала.

Яркие воспоминания об этом отрезке моей биографии связаны с детским дневным лагерем, работавшим на Ширяевке во время летних каникул 1990 года с десяти утра примерно до шести-семи вечера. Это было классное время даже несмотря на то, что тем летом мама случайно прищемила мне дверью машины ноготь на безымянном пальце, в результате чего я временно не мог держать ракетку как следует.

Утро в лагере начиналось с подъема флага. Потом нас разбивали на группы по возрастам и шли занятия – разминка, бег, тренировки на корте. Обедать ездили на автобусе, по дороге играли в разные детские игры. Ни о какой связи с родителями в течение дня речи тогда не шло. На всю Ширяевку был один телефон, «дежуривший» на тумбочке между раздевалками: женская располагалась слева от входа, мужская – справа. В комнате отдыха стояли большие шахматы, в которые старшие ребята играли во время дождя. Тренеры воспи-

тывали нас методом кнута и пряника, причем пряник был на редкость аппетитным. Каждый вечер мы возвращались домой довольные, предвкушая завтрашний день. А когда на закрытии лагеря дело дошло до распределения подарков, мы с Андреем на радость маме выбрали термос.

* * *

Сейчас я понимаю, что Ширяевка тех лет была уникальным местом. Мне посчастливилось встретиться там с потрясающими людьми, причастными ко многим славным страницам российского тенниса. Об этих людях написано и сказано немало добрых слов, но я все-таки попробую поделиться здесь своими детскими впечатлениями.

Главной звездой тренерского корпуса Ширяевки, конечно, была Татьяна Федоровна Наумко, которая в первые годы моих занятий постоянно путешествовала по турнирам с Андреем Чесноковым. На базу она заезжала редко, но подмечала любую мелочь и давала ценные советы. Например, однажды, наблюдая за моей тренировкой (в то время я уже занимался под руководством Бориса Львовича Собкина), Татьяна Федоровна обратила внимание на то, что, собирая мячи на корте во время тренировки, мне следует держать корзину в левой руке, в то время как правая рука должна отдыхать. Также по рекомендации Татьяны Федоровны мы с Андреем приступили к систематическим занятиям общефизической

подготовкой.

Ближе я познакомился с Татьяной Федоровной уже взрослым, когда стал регулярно приезжать на крупные турниры в Америку, куда она переехала. Именно Татьяна Федоровна впервые сводила нас с Борисом Львовичем в знаменитый нью-йоркский ресторан «Русский самовар». И именно она минут десять настраивала меня в раздевалке перед встречей с Полем-Анри Матье в финале Кубка Дэвиса 2002 года, заставляя поверить, что я все знаю, все умею и все смогу.

С Татьяной Федоровной мы периодически общаемся до сих пор. В теннисе мне редко доводилось встречать специалистов, обладающих таким опытом. Разумеется, в чем-то наши взгляды могут не совпадать, но в моем списке людей, к которым следует прислушиваться, она занимает одно из первых мест.

Большим авторитетом в спартаковской школе считался Святослав Петрович Мирза. Для меня это был человек, побеждавший самого Ники Пилича – бывшую шестую ракетку миру и капитана сборной Германии во время памятного полуфинала Кубка Дэвиса 1995 года. Свободная, естественная техника Святослава Петровича – высокого левши, сохранившего хорошую форму в достаточно солидном возрасте, – конечно, производила впечатление. А еще Мирза был очень щедрым на полезные советы. Когда мы с Андреем в первое лето наших занятий на Ширяевке на две недели уехали в деревню, он сделал папе легкое внушение. Исчезать из Моск-

вы, когда погода и наличие свободных кортов способствуют тренировкам, по мнению Святослава Петровича, было категорически неправильно, и мы больше так не поступали.

Лариса Дмитриевна Преображенская осталась в моей памяти на редкость душевной женщиной. Я, правда, у нее никогда не тренировался, но позже мы всегда общались очень тепло. Лариса Дмитриевна чрезвычайно внимательно относилась ко всем своим ученикам, а по объему тренировок и уровню игры среди них выделялась Аня Курникова, которая много времени проводила в Америке и выучила там английский. Старшие ставили нам Аню в пример, подчеркивая, что с двумя языками даже без тенниса не пропадешь. И мы в глубине души немного завидовали ей.

Раузе Мухамеджановне Ислановой, маме Марата и Динары Сафиных, напротив, была свойственна определенная строгость, порой необходимая в работе с детьми. Она никогда не лезла за словом в карман и могла накричать, если ты по глупости нарушил дисциплину. Занятий Раузы Мухамеджановны с Маратом, который на два года старше меня, я практически не помню. Могу только сказать, что по уровню игры Марат и Динара с ранних лет сильно выделялись среди детей своего возраста, а заслуга Раузы Мухамеджановны в их достижениях всегда выглядела бесспорной.

Многие уже забыли, что именно Рауза Мухамеджановна была первым тренером Насти Мыскиной и Лены Дементьевой. В те времена невозможно было представить, что

в 2004 году эти две девочки встретятся в финале Roland Garros, где Настя возьмет верх, а еще спустя четыре года Лена станет олимпийской чемпионкой Пекина. Между прочим, однажды на тренировке я проиграл Насте один сет (правда, не помню, какая у нее была фора) и начал жутко психовать, развеселив свою соперницу. Но через некоторое время как следует настроился и взял реванш.

Марину Андреевну Марьянко, которая, кстати, тренировала мою будущую жену Юлию, на турнирах выделял какой-то особенный ширяевский патриотизм. За воспитанников своей школы она стояла горой. Как-то раз на «Динамо» наш матч с Филиппом Мухометовым обслуживал немного подвыпивший судья, который начал допускать ошибки не в мою пользу. И тогда стоявшая около корта Марина Андреевна настолько яростно стала прессовать этого арбитра, что он тут же протрезвел. Так что взрывной темперамент, которым отличается Андрей Рублев, явно от мамы.

* * *

Тренировки на Ширяевке шли своим чередом, но постепенно родителям стало ясно, что требуются перемены. К тому моменту они уже спорили по поводу будущего, к которому следует готовить нас с Андреем. Мама больше думала о нашем образовании, и папа, считавший правильным сконцентрироваться на теннисе, доказывал ей: «Ну ведь кто-то

же пробивается! Так почему же не можем мы?!» И мало-помалу его точка зрения возобладала.

Появились амбиции и у нас, двух пацанов. Мы постепенно поднимались в рейтинге по своему возрасту и уже не представляли себе жизни без любимого занятия. Любая, даже самая незначительная победа доставляла нам колоссальное удовольствие. Ну и, конечно, мы находились в курсе главных теннисных событий, болели за отдельных игроков. Хорошо помню, как в 1990 году мама, разбудив меня утром, первым делом сообщила о победе Александра Волкова над первой ракеткой мира Стефаном Эдбергом в первом круге US Open. Волкову я тогда симпатизировал, но и стиль шведа мне очень нравился.

В конце концов маме пришлось согласиться с папиным видением ситуации. Он сумел внушить ей, что мы с Андреем получаем профессию, позволяющую даже в самые трудные времена заработать себе на хлеб с маслом. Тем временем Наталья Николаевна на тренировках особого внимания к нам не проявляла. Не исключено, что она просто считала нас бесперспективными, а может, ее слишком раздражал мой сложный характер. Групповые тренировки продолжались, но нам с Андреем этого было уже мало, поэтому мы при первой возможности стали вдвоем уходить на 14-й корт, где играли старыми мячами, привезенными из дома в потертом рюкзаке. На том корте было асфальтовое покрытие, и он практически всегда оставался свободным. Порой доходило и до взаимных

разборок, но в основном мы все-таки занимались делом – так, как умели.

Когда стало ясно, что наш тренировочный процесс фактически остановлен и Наталья Николаевна не реагирует на просьбы папы, он начал искать другие варианты. Директор «Ширяева Поля» Наталья Валентиновна Кочеткова убеждала, что в ее школе от одного тренера к другому переходить не принято. Но папа настаивал на своем и в конце концов добился того, чего хотел. А я встретил человека, который сыграл в моей жизни огромную роль.

3

Болбой

Знакомство с Борисом Львовичем. – Я меняю хватку. – ОФП с Мосяковыми. – Финансовый вопрос. – Наша мотивация. – Первые контракты. – Верхний ярус в «Олимпийском». – Кроссовки от Чеснокова. – Мы меняем телевизор.

С Борисом Львовичем собкинским в первые годы моих занятий на Ширяевке я практически не общался. Для этого просто не находилось повода, хотя формально мы были знакомы. Однажды поздней осенью наша группа пришла тренироваться в дутик на «Чайку», а Борис Львович играл там с Андреем Чесноковым. В ожидании начала занятия мы встали у корта около обогревателей и вроде бы не сильно шумели, но Борис Львович быстро отправил нас в «предбанник», так как Чеснокову наше присутствие мешало сосредоточиться.

Папа не сообщал нам с Андреем, что договаривается с Борисом Львовичем. С мамой они, конечно, советовались на эту тему, но до наших ушей те разговоры не доходили. Так что никакого волнения или тем более страха мы с Андреем не испытывали. Сказали нам, что начинаем заниматься с новым тренером, – мы и начали.

Первая тренировка с Борисом Львовичем состоялась 23 мая 1993 года. Он просто взял корзину с мячами и кидал

их нам часа полтора. Но это, конечно, был знаковый день в нашей жизни. Вокруг нас многое стало меняться. Теперь мы с Андреем занимались уже не в большой группе, где нас не выделяли из общей массы, а фактически индивидуально, – вдвоем либо втроем, поскольку чуть позже к нам добавился еще один мальчик, Андрей Носов. Много времени мы проводили со старшими ребятами, занимавшимися у Бориса Львовича, в том числе с его сыном Сашей. Поэтому начали быстрее взрослеть.

Иной стала и атмосфера во время тренировок. Мы чувствовали, что новый тренер относится к нам гораздо внимательнее. Борис Львович не казался излишне строгим, никогда не повышал голоса, а если видел какие-то серьезные недочеты, то терпеливо объяснял, что от нас требуется. Ежедневное общение с человеком, которому мы оказались интересны, подспудно отражалось на нашем с Андреем настроении, хотя о близких отношениях между нами и Борисом Львовичем тогда речи не шло. Во всяком случае, какой-то ярко выраженной симпатии по отношению к нему я поначалу не испытывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.